

ПОПАДАНКА В ДЕЛЕ, или ТАЙНА ИСЧЕЗНУВШЕЙ ГРАФИНИ

КАРМЕН ЛУНА

Кармен Луна

**Попаданка в деле, или
тайна исчезнувшей графини**

«Автор»

2026

Луна К.

Попаданка в деле, или тайна исчезнувшей графини / К. Луна — «Автор», 2026

Я была писательницей детективов, пока однажды не очнулась в теле молодой графини Дианы Уилморт — красивой, богатой и, судя по всему, недавно убитой. Теперь вокруг меня викторианские особняки, подозрительные аристократы, тёмная магия и полиция, способная не заметить преступника, даже если он приложит к признанию нотариально заверенную справку. Зато рядом есть Бастион — ехидный кот-фамильяр, уверенный, что без его гениальных советов я не переживу и недели. Чтобы раскрыть тайну исчезновения прежней графини, мне придётся открыть собственное детективное агентство, сунуть нос в дела опасных людей и объединиться с лордом Джонатаном Грантом — мрачным одноглазым красавцем, который слишком часто приходит мне на помощь и слишком внимательно смотрит. Вот только убийца уже понял: в теле Дианы скрывается совсем другая женщина. И теперь следующей исчезнуть могу я.

© Луна К., 2026

© Автор, 2026

Кармен Луна

Попаданка в деле, или тайна исчезнувшей графини

Глава 1

Вот скажите мне, дорогие мои читатели, есть ли что-нибудь более ироничное в этом мире, чем кульминация вашей блестящей карьеры, которая оборачивается полным фиаско? Я, Диана Виленова, детективщица, чьи книги расхватывались, как горячие пирожки на благотворительной ярмарке (только гораздо вкуснее и полезнее для мозгов, а не для талии), стояла на пороге триумфа.

Моя новая книга, "Призрак из тумана" (название, конечно, банальное, но до чего же цепляло!), вот-вот должна была увидеть свет. Последние правки, последний мозговой штурм с моей верной редакторшей Мартой, которая, впрочем, больше походила на загнанного хомяка, чем на акулу пера. Бедняжка уже третью неделю питалась исключительно энергетиками и мюсли, а ее глаза приобрели тот специфический блеск человека, балансирующего на грани нервного срыва и гениального прозрения.

"Диана, твой злодей слишком предсказуем!" — твердила она, размахивая красной ручкой, как мечом правосудия. "Читатель разгадает его уже к седьмой главе!"

Но я знала лучше. Мой злодей, хитроумно запутавший следы в лабиринте ложных улик и психологических ловушек, почти был пойман, и я уже предвкушала его эффектное разоблачение. Каждая страница была выверена до мелочей, каждая деталь — звеном в цепи неопровержимых доказательств. Чувствовала себя настоящей Эркюлем Пуаро в юбке, только без усов и с гораздо более острым чувством стиля.

Усталость, конечно, давила, как слон на маленькую мушку, но это была приятная усталость творца, предвкушение фанфар и аплодисментов. Я была на пике своего мастерства, а с пика, как известно, всегда можно только... упасть.

Именно это я и сделала. Нелепо, глупо, абсурдно. Не на красной дорожке литературной премии, не с пьедестала славы, а с обыкновенной лестницы в собственном офисе. В разгар мозгового штурма, когда мой литературный злодей уже трепетал от страха перед неминуемым разоблачением, я оступилась.

Видимо, слишком глубоко погрузилась в хитросплетения сюжета, размышляя о мотивах убийцы и пытаюсь найти последнюю недостающую деталь. Или просто шпилька предательски подвернулась, как неверный любовник в самый неподходящий момент. Помню, как держала в руках распечатку рукописи, как мелькнули перед глазами строки с описанием финальной сцены, и вдруг...

Последнее, что я помнила, это пол, стремительно приближающийся к моему прекрасному лицу, и ощущение, будто меня ударили по голове тяжеленным томом уголовного кодекса. Страницы рукописи разлетелись в воздухе, как белые голуби, а тьма накрыла меня, как одеяло забытого преступления, обещая долгожданный покой.

Покой, впрочем, оказался недолгим и весьма обманчивым. Пробуждение ворвалось в мою жизнь неожиданно-негаданно, как внезапная проверка налоговой, только в разы хуже. Мой мозг, этот капризный орган, который обычно с энтузиазмом подхватывает любые мои идеи (даже самые безумные), теперь решительно отказывался принимать реальность.

Вместо привычного интерьера моего кабинета, где каждый предмет дышал творческим беспорядком — стопки книг по криминалистике, доска с фотографиями и схемами, мой люби-

мый кожаный диван цвета бордо — я обнаружила себя посреди... ну, какого-то подобия склада старья, если склад старья решил замаскироваться под спальню аристократки.

Потолок украшала лепнина, которая, судя по всему, помнила еще крестовые походы. Мебель выглядела так, будто ее изготавливали мастера, которые лично знали динозавров — массивная, темная, с резными элементами, от которых веяло такой древностью, что хотелось чихнуть. Шторы из тяжелого бархата висели как театральный занавес, скрывая окна от дневного света. А душные запахи пыли, нафталина и чего-то еще, неопределимо старинного, буквально душили меня, как средневековые пытки.

Но главное — корсет! Этот адский агрегат, сжимавший мою талию, словно ее решил перекусить удав с садистскими наклонностями, сразу дал понять: что-то пошло очень, очень не так. И это "что-то" явно не ограничивалось криво наклеенными обоями и мебелью из музея.

Я попыталась сесть и тут же пожалела об этом. Корсет не давал нормально дышать, а платье — это была целая конструкция из атласа, кружев и каких-то загадочных крючков, которые явно проектировал инженер с извращенным чувством юмора. Как вообще женщины в таком жили? Как ходили в туалет? Как... да что угодно делали в этой броне?

Первым делом, я, естественно, подскочила (ну, насколько это возможно в корсете, который превращал каждое движение в акробатический номер) и метнулась к зеркалу. Зеркало в золоченой раме, покрытой патиной времени, стояло у дальней стены, отражая утренний свет из окна.

Зеркало, этот предатель, показало мне чужое лицо. Красивое, конечно, не спору. Точеный нос с легкой горбинкой, пухлые губы естественного розового оттенка, томный взгляд темно-карих глаз, обрамленных густыми ресницами. Кожа — фарфорово-бледная, без единого недостатка. Волосы — каштановые с медным отливом, уложенные в сложную прическу с множеством шпилек.

Но это была не я. Определенно, не я! В голове мелькнуло: "Где мои веснушки, черт возьми?! Где мои вьющиеся светлые волосы, которые вечно торчат в разные стороны, несмотря на все попытки их укротить? Где шрам на подбородке от неудачного знакомства с велосипедом в детстве?"

Я понятия не имела, кто эта женщина, смотрящая на меня из зеркала, но ее вид был немного болезненным — аристократически болезненным, я бы сказала. Как будто она слишком долго питалась одними воздушными поцелуями и манерами.

Я стояла перед зеркалом, как героиня дешевого водевиля, пытаюсь осознать эту нелепую пародию на жизнь. Корсет давил, голова гудела, а мозг метался между "это розыгрыш" и "я окончательно свихнулась от недосыпа и излишнего креатива".

Может, это галлюцинация? Последствие сотрясения мозга? Или я все еще лежу без сознания на полу своего кабинета, а мой разум, не желая мириться с банальностью травмы, выдумал этот безумный сон?

Внезапно, на кровати, откуда я только что свалилась, зашевелилось что-то огромное и пушистое. Кровать, кстати, была размером с мою бывшую квартиру — с балдахином из темно-синего бархата, украшенным золотой бахромой. Из-под покрывала высунулась наглая морда.

— Ну что, Ваше Графское Величество, освоились с веером? — прозвучал голос прямо в моей голове, четко, ясно, с ехидной интонацией. — Или, может, вам подать лопату для выкапывания здравого смысла? Вы же на детективах помешаны, вот и копайте, пока мозги совсем не скисли.

Я моргнула. Раз. Два. Три. Голос принадлежал... коту. Огромному, белому, пушистому, с курносом носом, словно ему немного не хватило до совершенства, но он всё равно был прекрасен в своей наглости. Размером он был с приличную собаку, а его шерсть переливалась на солнце, как дорогой мех.

Кот смотрел на меня с таким видом, будто только что спас мир от вторжения инопланетян и теперь ждал заслуженных почестей и миски лосося. Его голубые глаза были полны сарказма и превосходства, заставляя меня чувствовать себя первоклассницей, которая забыла таблицу умножения перед контрольной.

— Ах ты ж, шерстяной паразит! — прошипела я, пытаюсь придать своему голосу хоть какую-то интонацию, кроме хриплого шепота умирающего лебедя. Голос звучал незнакомо — более низкий, с едва уловимым аристократическим акцентом. — Это тебе не лоток копать, между прочим! И вообще, с каких пор коты стали такими умными? Ты что, выпил воду из унитаза в ядерной лаборатории? Или это я окончательно сошла с ума и теперь разговариваю с котами?!

Кот, к слову, ничуть не смутился. Он лишь презрительно фыркнул, словно я только что предложила ему пожевать вчерашнюю газету, и царственно потянулся, демонстрируя мне свой пушистый живот. Движения у него были грациозными, даже надменными.

— Мой интеллект, хозяйка, на таком уровне, что ты бы утонула в моих мыслях, как в бочке с патокой, — слышался его голос в моей голове, полный снисходительного превосходства. — А уж твой здравый смысл... он, кажется, покинул тебя вместе с последней порцией адекватности. И да, я — Бастион, и я не разговариваю с тобой, я проникаю в твой разум. Разница, как видишь, колоссальная.

— Проникаешь в разум? — переспросила я, чувствуя, как волосы на затылке встают дыбом. — Ты что, телепат? Мутант? Или просто очередное доказательство того, что я окончательно спятила?

— Давай так, — Бастион зевнул, показав впечатляющие клыки, — я объясню тебе азы реальности, а ты попробуешь не упасть в обморок от переизбытка информации. Договорились?

Мой рот, который до этого был открыт от удивления, захлопнулся с тихим щелчком. Итак, я не только в чужом теле, но еще и обзавелась говорящим котом-телепатом с манерами английского лорда и самомнением Наполеона. Отлично! Моя жизнь, похоже, решила стать сюжетом для самого абсурдного романа, который я когда-либо придумывала.

Первые мысли метались в голове, как бешеные белки в колесе. "Что за чертовщина?! Это розыгрыш? Скрытая камера? Или я окончательно свихнулась от недосыпа, и меня посетил кот-психотерапевт, который требует вискаса, а не сеансов фрейдизма?"

И тут, сквозь панику и абсурдность ситуации, я ощутила это. Слабое, но тревожное эхо. Эхо чужого страха и боли, которое, казалось, пронзило меня до самых костей, исходящее из самого тела, в котором я оказалась. Оно было таким реальным, таким пронзительным, что я вздрогнула и невольно обхватила себя руками.

Это было не мое воспоминание. Не моя боль. Но она жила в каждой клетке этого тела, как застарелая рана, которая ноет перед дождем. Образы промелькнули в сознании — темная комната, чьи-то руки, запах дорогого парфюма вперемешку с чем-то металлическим... и ужас. Безграничный, парализующий ужас.

Списала, конечно же, на стресс. На последствия падения. На то, что мой собственный мозг, этот перегруженный процессор, "перегрелся" от креатива и недосыпа. Ведь я же детективница, а не какая-нибудь там впечатлительная барышня из романов Джейн Остин, падающая в обморок от каждого чиха.

Но это эхо... оно было слишком живым, слишком настоящим, чтобы быть просто плодом моего воображения. Словно чья-то боль, чей-то ужас, все еще витал в каждой клетке этого чужого тела, как незваный гость, который забыл уйти после вечеринки. И я, Диана Виленова, блондинка с веснушками и здравым смыслом, теперь была этим самым незваным гостем в чужом, незнакомом теле.

На мой призыв (или скорее, на мой нечленораздельный хрип) явилась служанка. Высокая, чопорная, с таким выражением лица, будто у нее в супе нашли таракана, а не мою, такую

несчастную, "графиню". Ее платье было строгим, темно-серым, с белым передником, накрахмаленным до состояния картона. Волосы собраны в тугой пучок, ни одна прядка не смела выбиться из прически.

Её реверанс был настолько глубоким, что я испугалась, не пробьет ли она лбом пол. Движения отточены до автоматизма — явно не первый год в услужении.

— Ваше Сиятельство изволят что-нибудь? — прозвучал её голос, безукоризненно вежливый, но без единой нотки тепла, как будто она зачитывала приговор. В голосе слышался едва уловимый акцент — возможно, шотландский.

— Я желаю, — отчеканила я, пытаюсь придать своему голосу властности, хотя он предательски дрожал, — чтобы мне объяснили, что происходит! И где, черт побери, мой ноутбук? И кофе! Крепкий, без молока и сантиментов!

Лицо служанки даже не дрогнуло. Каменное лицо, ей-богу. Только брови чуть приподнялись — единственный признак того, что она вообще жива.

— Простите великодушно, Ваше Сиятельство, но... что есть "ноутбук"? — произнесла она медленно, словно каждое слово причиняло ей физическую боль. — И "кофе без сантиментов"? Мы можем предложить вам утренний чай, как всегда. И, разумеется, вашу любимую чашку из фамильного фарфора, что веками хранится в сокровищнице Вашего рода.

Бастион захихикал, а точнее, издал звук, напоминающий скрежет несмазанной телеги — видимо, так смеются коты-телепаты.

— Видишь, хозяйка, здесь даже коты умнее тебя, — его голос в моей голове звучал особенно ехидно. — Это тебе не твои двадцать первые века, тут своя атмосфера. А насчет твоей личности... ну, это уже детали, не так ли? Ты сейчас — Диана. Графиня. Так что будь любезна, играй роль.

"Диана?" — пронеслось в моей голове. Это имя. Моё имя. Но я ведь Диана Виленова, детективщица из XXI века! И кто такая эта графиня? Этот вопрос крутился в моей голове, как заевшая пластинка на старом проигрывателе.

Служанка, тем временем, распахнула шторы, и солнечный свет залил комнату, высветив множество портретов на стенах. Женщины в роскошных платьях с кринолинами, мужчины с надменными лицами и бакенбардами, дети в бархатных костюмчиках — целая галерея предков смотрела на меня со стен критическими взглядами.

И среди них... один портрет, на котором была изображена именно та женщина, чье лицо я видела в зеркале. Ее взгляд был таким же томным, а нос — таким же точеным. На ней было платье из изумрудного шелка, а в волосах — диадема с крупными изумрудами. Подпись под портретом, выполненная витиеватой золотой вязью, гласила: "Графиня Диана Уилморт".

— Это... это кто? — прошептала я, показывая на портрет дрожащим пальцем.

— Это Ваше Сиятельство, миледи, — ответила служанка с легким недоумением. — Портрет был написан год назад, к вашему двадцать третьему дню рождения. Неужели Ваше Сиятельство забыли?

Двадцать три года? Я же старше! Мне двадцать восемь, и каждый год борьбы за место под литературным солнцем написан на моем лице. А эта... эта графиня выглядит так, будто ее главной заботой был выбор между розовым и персиковым румянами.

Я понятия не имела, что происходит. В моей прежней жизни я раскрывала преступления, писала бестселлеры, пила литры кофе и носила удобные джинсы. А теперь я заперта в чужом теле, в чужом времени, в чужом доме, и меня называют "графиней".

Неужели я и правда графиня Диана Уилморт? Это звучало как самый дурацкий сюжет, который мог бы прийти мне в голову в приступе творческого безумия, но, к сожалению, это была моя новая, абсурдная реальность. И мне совершенно не нравилось, что я не контролирую ни единого аспекта своей новой жизни, даже собственное имя.

А что самое обидное — без ноутбука и крепкого кофе. Мой личный ад, завернутый в бархат и нафталиновый аромат, начинался прямо сейчас. И да, с котом, который, похоже, знал больше, чем мне хотелось бы. Он, кажется, был единственным, кто понимал весь трагикомизм ситуации, сидя там и посмеиваясь, как самый настоящий шерстяной дьявол с голубыми глазами и манерами английского лорда.

Глава 2

Мисс Пруденс, как я потом выяснила, была олицетворением чопорности в квадрате. Её движения были столь же выверены, как ход часового механизма, а лицо не выражало абсолютно ничего, будто она родилась с маской из фарфора. Даже дышала она, казалось, по расписанию — вдох на четыре счета, выдох на шесть, без малейшего отклонения от заданного ритма.

Она отбыла, оставив меня наедине с моими мыслями, чужим телом и этим наглым телепатом в пушистой шубе. Моя голова, к слову, все еще норовила взлететь под потолок, а в висках стучало, как дятел по сухой сосне, пытающийся пробить гранитную скалу. Каждый удар пульса отдавался болью, словно мозг протестовал против этой нелепой реальности.

Я попыталась сфокусироваться. Так, Диана Виленова. Детектив. Логика, анализ, дедукция — мои верные спутники уже восемь лет. А теперь — Диана Уилморт. Графиня. Место действия — какое-то, судя по всему, очень старое поместье с привидениями в каждом углу. Время действия — до повсеместного появления электричества, судя по отсутствию розеток и наличию свечей, которые выглядели так, будто их делали еще при дворе короля Артура.

— Ну что, Ваше Графское Величество, соизволили подумать? — Голос Бастиона снова прозвучал в моей голове, ехидный, как комар в летнюю ночь, который нашёл себе жертву и теперь методично портит ей существование. — Или для этого вам нужна моя помощь, как для чистки лотка?

— Закрой свою пасть, шерстяное недоразумение! — мысленно рывкнула я в ответ, с трудом сдерживаясь, чтобы не запустить в него фарфоровой вазой с каким-то засушенным ужасом, который когда-то, возможно, был цветком. — Я пытаюсь осмыслить масштаб катастрофы! А ты тут со своими лотками! Мои мозги, между прочим, сейчас работают на пределе, пытаюсь переварить этот абсурд!

— Масштаб катастрофы, — фыркнул кот, вальяжно облизывая лапу с таким видом, будто это была самая важная процедура в его жизни, — это твоя прическа после сна, на которую без слез не взглянешь. А происходящее — всего лишь твоя новая реальность. Привыкай. Здесь ты графиня Диана Уилморт. Леди из высшего общества, известная своей утонченностью и... хм, некоторой рассеянностью. И, судя по всему, она была довольно скучной личностью, если судить по её пыльным гобеленам и коллекции засушенных бабочек.

«Утонченностью и рассеянностью»? Я, Диана Виленова, женщина, которая могла собрать пазл из тысячи кусочков с завязанными глазами, и тоньше лезвия бритвы чувствующая фальшь? Женщина, которая раскрыла дело о пропавшем наследстве, когда вся полиция опустила руки? Рассеянность — это когда я забывала, куда положила ключи от машины, а не когда я просыпалась в чужом теле, с чужой физиономией и без единого гаджета!

Да я, в конце концов, могла отличить настоящий бриллиант от подделки по одному лишь взгляду, а тут мне впаривают какую-то «утонченность»! Это же просто оскорбление моего интеллекта и профессиональной гордости!

Я принялась осматривать комнату более внимательно, надеясь найти хоть что-то, что могло бы пролить свет на эту сюрреалистическую ситуацию. Роскошь, конечно, тут была — и какая! Золото везде, где только можно было его приткнуть, бархат цвета бордового вина, гобелены с выцветшими сценами охоты, на которых благородные господа гонялись за оленями с таким видом, будто это было смыслом их жизни.

Но все это было покрыто таким слоем пыли, что, казалось, ее собирали с античных времен специально для музея забытых вещей. Чужая жизнь, пропитанная нафталином и скукой вековой давности. На столике у окна стояли какие-то флакончики с непонятными настойками, а рядом — стопка книг с потрепанными корешками. Названия едва читались: "Тайны древних обрядов", "Загадки фамильных проклятий", "Искусство общения с потусторонним миром".

Я скучала по своему ноутбуку, по привычному скрипу кресла, по запаху крепкого кофе, который мне всегда варил мой верный ассистент, толстячок Макс. Здесь же — только душный, затхлый воздух и ощущение, что я застряла в какой-то викторианской пьесе, где главный злодей — скука, а главная жертва — я.

Вдруг, когда я потянулась к старинному комоду из красного дерева, меня словно пронзило. Мимолетное видение. Неясное, как сон после тяжелого ужина, но ощутимое до мурашек по коже. Короткий, обрывочный образ: мелькание темной ткани, вспышка яркого света, и ощущение холода, пронизывающего до костей. Еще я услышала голос — женский, испуганный, умоляющий: "Нет, пожалуйста, я же ничего не говорила!"

Я вздрогнула так, что чуть не опрокинула вазу. Это было не просто видение, это было ощущение, как будто кто-то прикоснулся к моей душе ледяной рукой. И этот холод был не просто физическим, он был... зловещим, словно предвестник беды, или же отголосок чужой, страшной памяти. Память убитой женщины?

— Что это было? — прошептала я, хватаясь за голову. Голова заболела так, словно по ней прошлись армейским сапогом размера сорок пятого.

— Просто сквозняк, хозяйка, — Бастион лениво моргнул, но его глаза были слишком внимательными, словно он видел гораздо больше, чем говорил. — Или тебе показалось, что я поймал твою последнюю мысль, и она была скучной?

Его хвост слегка дернулся, что для этого кота было равносильно панике, или, по крайней мере, глубокой задумчивости. Он явно не был так спокоен, как пытался казаться.

— Не ври мне, Бастион, — прищурилась я. — Ты же что-то знаешь. Что происходило с настоящей графиней? Что за видения я получаю?

— Возможно, просто эхо, — уклончиво ответил кот. — Сильные эмоции имеют свойство... задерживаться в местах. Особенно страх. И боль.

Я списала это на стресс, непривычную обстановку и последствия падения. Ну да, удар головой, все дела. Мозг, видимо, выдает галлюцинации, чтобы развлечься. Что ж, развлекайся, мозг. Только потом не жалуйся, когда я буду писать о тебе ужасы, где главный герой страдает от кошмаров, вызванных пыльными шторами и говорящими котами.

Внезапно из-за двери до меня донесся приглушенный шепот. Прислуга сплетничала! Прильнув к двери, как самый настоящий детектив (хоть и в дурацком корсете, который превращал каждый вдох в подвиг), я услышала обрывки фраз.

— ...совсем плоха была, графиня, до болезни-то. Всё шепталась с кем-то... про какие-то общества... И нервная такая стала, как перед бурей...

— А то! Небось, от скуки, — ответил другой голос, звучащий как старая девичья сплетня, пропитанная ароматом застарелой зависти. — Вся в книгах сидела, про старинные обычаи... не иначе, с ума сходила. Ну, или просто перебрала с настойками, которые ей какой-нибудь шарлатан прописал от меланхолии.

— Да уж, а эти её записи! Всё какие-то символы да странные имена... Говорят, она с духами общалась. А потом вот как скрутило её — и неделю без сознания лежала.

«Странное поведение», «болезнь», «тайные общества», «нервная», «записи с символами», «духи». Эти слова крутились в моей голове, как сумасшедшая карусель. Становилось ясно, что истинная графиня Диана Уилморт, до моего «перевоплощения», вела себя весьма... нетипично. Видимо, она тоже скучала, но, в отличие от меня, искала приключений не на страницах книг, а где-то в реальной жизни.

И, судя по всему, нашла их на свою аристократическую задницу. И, похоже, эти «приключения» были не из самых приятных, если учесть то холодное эхо страха, что я ощущала в этом теле.

— Вот тебе и рассеянность, — промурлыкал Бастион в моей голове, словно читая мои мысли. — Графиня, видимо, была дамой с секретами. Куда интереснее, чем твои картонные злодеи, не так ли? Она что-то искала. И нашла. Только не совсем то, что хотела, и, похоже, это было что-то очень неприятное. Что-то смертельно опасное.

— Заткнись, Бастион! — прошипела я. — Если бы ты умел печатать, я бы тебе диктовала свои книги, и тогда бы ты узнал, что такое настоящие злодеи! И вообще, что ты знаешь об этой... прежней графине? Ты ведь, кажется, здесь давно?

Кот лишь облизнулся, словно только что съел целую курицу, и его глаза прищурились до щелочек.

— Достаточно, чтобы понять, что она была натурой увлекающейся. И довольно наивной. А теперь, похоже, ты унаследовала не только её тело, но и её... увлечения. И её проблемы. Мои усы немеют от предвкушения. И, возможно, от легкого запаха магии, который я ощущаю, когда ты слишком нервничаешь.

«Магия?» Это слово заставило меня вздрогнуть, а по позвоночнику пробежал холодок. Неужели эти «видения» — не просто последствия удара головой? Может, это что-то другое, что-то более... сверхъестественное? Я почувствовала легкое покалывание в кончиках пальцев, словно невидимые нити электричества танцевали вокруг меня.

Я списала это на нервы. А на что еще? Я ведь детектив, рациональный человек, а не какая-нибудь там ведьма из сказки Братьев Гримм.

Мои попытки найти хоть что-то знакомое в этом доме были тщетны. Ни одного гаджета! Никаких следов моего прежнего мира. Даже простого карандаша нет, чтобы хоть что-то записать! Это же просто Средневековье, завернутое в бархат, без электричества и интернета!

Я чувствовала себя как Робинзон Крузо, только вместо необитаемого острова — пыльный особняк, а вместо Пятницы — говорящий кот-телепат, который, судя по всему, был моим единственным адекватным собеседником. Я тосковала по запаху свежего типографского клея, по звонку телефона, по шуму городской суety. Моя жизнь, такая привычная и понятная, исчезла, как мираж в пустыне, оставив меня в этом чужом, непонятном мире.

Внезапно в комнату снова вошла мисс Пруденс. Её лицо было непроницаемо, как стена Кремля, а в руках она держала какое-то немыслимое сооружение из кружев и лент, которое выглядело как инструмент пыток, замаскированный под праздничный наряд.

— Ваше Сиятельство, нам надлежит готовиться к приему, — произнесла она тоном, не допускающим возражений. — Лорд и леди Вестморты будут ждать вас к пяти часам. И ваш наряд уже приготовлен. Семейные украшения также ожидают вашего одобрения.

Прием. О, господи боже мой. Как будто мне мало было этого кошмара! Светский прием — это всегда пытка для меня. Дежурные улыбки, фальшивые комплименты, разговоры о погоде и последних сплетнях. Даже на допросе серийного убийцы было бы веселее, чем на этом балу манекенов, где все друг друга ненавидят, но улыбаются до ушей, а ты должна притворяться, что тебе это чертовски интересно.

— Я не пойду, — отрезала я категорично. — У меня... у меня внезапное недомогание. Тяжелая форма творческого кризиса, сопровождающаяся необъяснимой неприязнью к кружевным рюшам и необъяснимым желанием спрятаться под одеялом с хорошим детективом.

Мисс Пруденс лишь подняла бровь, словно я только что предложила ей станцевать на столе канкан в компании с цирковыми медведями. Она даже не выразила удивления, только лёгкое, едва заметное неодобрение, которое было хуже любого крика.

— Простите великодушно, Ваше Сиятельство, но это невозможно, — её голос звучал как приговор суда. — Ваше отсутствие вызовет... вопросы. И сплетни. А вы ведь не хотите, чтобы

о вас говорили, будто вы окончательно тронулись рассудком? Это будет... крайне неблагоприятно для репутации Вашего рода. Особенно после вашей недавней... болезни.

Вот это был удар ниже пояса. Сплетни! Мой кошмар! В моей прежней жизни я контролировала каждый слух о себе, тщательно выстраивала имидж успешной писательницы, а тут... здесь я совершенно беззащитна. Моя репутация в этом мире, как оказалось, висела на волоске из паутины.

— И что мне делать? — простонала я. — Я понятия не имею, как себя вести на этих ваших приемах! Я даже вилку правильно держать не умею в этой эпохе! Я привыкла есть руками, когда работаю над книгой!

Бастион, который до этого момента лениво наблюдал за нашим диалогом, теперь поднял голову и посмотрел на меня с непередаваемым выражением превосходства.

— Для этого у тебя есть я, хозяйка, — его голос в моей голове приобрел менторские нотки. — Я — твой личный гид по этому миру. Я научу тебя всем премудростям этикета. И, поверь мне, твоему аристократическому телу это пойдет на пользу. Главное, слушай меня внимательно, и не делай вид, что ты из сумасшедшего дома.

И он начал. Говорил он, конечно, в моей голове, но его инструкции были настолько четкими и вездливыми, что я чувствовала себя марионеткой, которую дергает за ниточки этот пушистый диктатор с манерами придворного этикетщика.

— Голову выше, хозяйка. Плечи расправь. Улыбайся. Но не как идиотка, а с легким оттенком скуки и превосходства. Это же высший свет, а не базар. Когда дамы будут обсуждать фасоны шляпок, сделай вид, что тебя это до глубины души возмущает, но скажи что-нибудь вроде «Ах, как вульгарно! Моя бабушка носила такие в детстве!» Это их обескуражит.

— А если они спросят про мою болезнь? — прервала я его мысленную лекцию.

— Загадочно улыбнись и скажи: «Иногда душе нужен покой от мирской суеты». Они подумают, что ты мистик или философ, что в высшем обществе считается признаком утонченности.

— Когда мужчины будут говорить о политике, — продолжал кот, — кивни и брось фразу типа «Политика — это скучно. Вот загадки человеческой души — совсем другое дело, куда интереснее». Это их точно поразит, они подумают, что ты не просто графиня, а графиня-философ, или на худой конец, графиня с тайными знаниями, что для тебя, впрочем, комплимент.

Я слушала, и мне хотелось смеяться и плакать одновременно. Мой мир перевернулся с ног на голову. Я, детективщица Диана Виленова, теперь училась светским манерам у котателепата. Это был новый уровень абсурда, достойный отдельной главы в моем будущем (надеюсь!) бестселлере.

А тем временем, Бастион продолжал, отпуская колкости о каждом встречном и поперечном, словно он был светским обозревателем, который видел всех насквозь. И, надо сказать, это невероятно веселило меня, даже в этом чертовом корсете. Мой личный юморист, который, кажется, был единственным адекватным существом в этом сумасшедшем доме.

И я, Диана Уилморт, графиня, которой еще только предстояло узнать все о себе, о тайнах этого дома и о своей собственной, возможно, ведьминской природе, готовилась к своему первому светскому выходу. Чувствовала себя, как шпион на секретном задании, только без оружия, без связи и с котом-информатором, который знал о моей жизни больше, чем я сама. И это меня одновременно пугало и интриговало.

Глава 3

Передо мной стояла задача, достойная самых отъявленных маньяков в моих книгах: выжить на светском приеме. В новом, до одури неудобном теле, с чужим лицом, которое, кажется, совершенно не хотело изображать приторную вежливость, и в компании породистого котателепата, чьи ехидные комментарии не давали расслабиться ни на секунду.

Мисс Пруденс, эта ходячая ледяная статуя, помогла мне втиснуться в бальное платье. Конструкция из изумрудного шелка и кружев была явно рассчитана на кого-то с талией осы и легкими колибри. Каждая шнуровка корсета ощущалась как личное оскорбление моим внутренним органам, а я чувствовала себя сарделькой, которую пытаются запихнуть в слишком узкую кожуру.

Драгоценности довершали картину пытки — тяжелое изумрудное кольцо давило на шею, серьги оттягивали мочки ушей, а диадема была настолько массивной, что я боялась свернуть себе шею неосторожным поворотом головы. В зеркале на меня смотрела незнакомка — бледная, нарядная, с застывшим выражением аристократического страдания.

— Ну что, хозяйка, — промурлыкал Бастион в моей голове, устроившись на подушке у камина, — готова очаровывать высший свет своим неподражаемым шармом? Не забудь про тот особый взгляд, которым ты одаривала меня утром. Он у тебя отлично получается — смесь надменности и легкой тошноты.

— Заткнись, Бастион, — прошипела я, стараясь не шевелить губами, чтобы мисс Пруденс не подумала, что я разговариваю сама с собой. — Мой взгляд — это просто результат кислородного голодания из-за этого проклятого корсета.

— А вот и нет, — возразил кот, лениво умывая лапой морду. — Это чистой воды аристократизм. Ты, хозяйка, быстро учишься. Осталось только научиться дышать через раз и падать в обморок по требованию.

Спуск по парадной лестнице был настоящим испытанием на выносливость. Каждый шаг в этих туфлях на каблуках требовал концентрации альпиниста, покоряющего Эверест в условиях нехватки кислорода. Платье шуршало, как осенние листья, драгоценности звенели при каждом движении, а я молилась всем богам, чтобы не споткнуться и не покатиться кубарем до самого низа.

Наконец, я оказалась в бальном зале. О, святые угодники. Это был не приём — это был музей восковых фигур викторианской эпохи, только фигуры эти умели говорить и источали удушающий аромат дорогих духов вперемешку с нафталином. Хрустальные люстры отбрасывали мерцающий свет на лица гостей, превращая их в театральных марионеток.

Скука была настолько осязаемой, что её можно было резать ножом и подавать к чаю с печеньем. Лицемерие витало в воздухе толстым слоем, словно туман, а фальшивые улыбки были настолько приторными, что от них сводило зубы и хотелось съесть что-нибудь кислое для контраста.

Дамы в пышных платьях напоминали разноцветных бабочек, прикованных булавками к витрине, а мужчины в строгих фраках выглядели как официанты на похоронах миллионера. Все разговоры вертелись вокруг одних и тех же тем: погода (отвратительная), моды (вульгарная), прислуги (ленивая) и последних скандалов (восхитительных).

Я старательно следовала инструкциям Бастиона. Кивала в нужных местах с видом глубокомысленной совы, изображала возмущение чужими шляпками, бросала загадочные фразы о том, что «политика — занятие для скучающих мужчин, а вот тайны человеческой души — совершенно иная материя».

И, надо сказать, мои выступления производили должный эффект. Дамы с широко раскрытыми от изумления глазами пялились на меня, словно я вдруг заговорила на китайском, а мужчины украдкой перешептывались, видимо, обсуждая степень моего умственного здоровья.

— Графиня Уилморт, вы, как всегда, поражаете своей... неординарностью мышления, — проворковала леди Морфорд, дама с лицом, настолько густо напудренным, что напоминало свежее испеченную булку, присыпанную мукой. Её голос был сладок, как патока, и столь же липок. — Но скажите, вы слышали эти ужасающие новости? Просто кошмар, что творится в городе!

Я напряглась, словно охотничья собака, учуявшая дичь. Новости? Неужели разговор свернет с обсуждения кринолинов на что-то более существенное?

— Простите, — произнесла я, стараясь придать своему голосу оттенок аристократической незаинтересованности, — я предпочитаю не засорять разум городскими пересудами. Что же такого экстраординарного могло произойти в нашем... цивилизованном Октавианбурге?

— Ах, графиня! Вы же, конечно, не в курсе последних событий! — леди Морфорд понизила голос до театрального шепота, словно собиралась поведать государственную тайну. — Эти жуткие убийства в бедных кварталах! Говорят, уже четверых обнаружили! И в таком состоянии... — она содрогнулась с видом, который должен был изображать ужас, но больше походил на плохо скрываемое любопытство.

Я почувствовала, как внутри меня что-то резко оживает, словно спящий хищник, учуявший запах крови. Убийства? Серийные убийства? Вот это уже совсем другое дело! Мой детективный мозг, который до этого момента дремал от скуки, вдруг заработал на полную мощность.

— Ах, милейшая леди Морфорд, — встрял лорд Пемброк, тучный мужчина с усами как у моржа, — не стоит пугать графиню такими мрачными историями. Это всего лишь склоки в трущобах. Чернь всегда найдет повод для драк и бузы.

— Там пахнет не просто кровью, хозяйка, — внезапно прозвучал голос Бастиона в моей голове, более серьезный, чем обычно. — Там воняет магией. Не той дешевой показухой, что практикуют шарлатаны на ярмарках. Это что-то древнее, могущественное. И очень, очень злое. Будто нечто темное пробудилось после долгого сна.

Кот, устроившийся у меня на руках, напрягся. Его обычная ленивая расслабленность сменилась настороженностью хищника, почуявшего опасность. Даже его хвост перестал лениво помахивать.

— Кто-то играет с силами, которые лучше не тревожить, — продолжал Бастион. — И судя по ощущениям, этот кто-то находится гораздо ближе, чем кажется.

Я почувствовала, как меня охватывает праведный гнев. Пока эти разодетые куклы обсуждают, чья корона дороже, настоящие люди умирают в страшных мучениях!

— Простите, дамы и господа, — произнесла я чуть громче, чем было принято в приличном обществе, — но пока вы тут изволите рассуждать о "склоках в трущобах", реальные люди гибнут от рук маньяка! Или для вас жизни бедняков стоят меньше, чем обсуждение новых фасонов рукавов?

Мои слова упали в зал, как камень в спокойный пруд. Несколько дам ахнули и затрепетали веерами, леди Морфорд уронила бокал с шампанским, а один престарелый лорд подавился канapé и закашлялся так, что пришлось стучать его по спине.

Мужчины, до этого момента изображавшие столпы общества, растерянно переглянулись. Видимо, подобные речи от графини они слышали впервые.

В наступившей неловкой тишине ко мне приблизился высокий мужчина в безупречной полицейской форме. Его мундир был отглажен до зеркального блеска, а на лице застыло выражение профессионального самодовольства. На груди красовалось несколько медалей, и он нес себя с важностью человека, убежденного в собственной незаменимости.

— Ваше Сиятельство, — произнёс он, отвешивая церемониальный поклон, — инспектор Стэнфорд к вашим услугам. Я не мог не услышать ваши... эмоциональные высказывания относительно недавних инцидентов. Позвольте заверить вас, что слухи о "многочисленных убийствах" чрезвычайно преувеличены. Мы имеем дело всего лишь с парой досадных происшествий в неблагополучных районах. Простой народ, как известно, склонен к панике и выдумкам.

«Пара досадных происшествий»?! Мой детективный инстинкт мгновенно зафиксировал фальшь в его тоне. За годы работы с преступлениями я научилась чувствовать ложь за версту. Этот человек либо некомпетентен до предела, либо сознательно скрывает истину.

— Инспектор, — посмотрела я на него взглядом, каким обычно изучала подозреваемых, — полагаю, что ваша уверенность в собственной правоте значительно превосходит вашу осведомленность о реальном положении дел. Если "досадные происшествия" случаются с завидной регулярностью, то проблема не в "панике простого народа", а в профессиональной пригодности тех, кто призван обеспечивать безопасность граждан.

Лицо Стэнфорда приобрело нездоровый красноватый оттенок. Очевидно, он не привык к тому, чтобы представители высшего света подвергали сомнению его компетентность. Особенно дамы, которые, по его мнению, должны были ограничиваться обсуждением цветочных композиций.

— Ваше Сиятельство, я... то есть... — начал он, но я его прервала жестом руки.

— Я графиня, инспектор, но не декоративная статуэтка в чьей-то коллекции. И у меня есть не только право, но и обязанность интересоваться благополучием всех жителей этого города. Включая тех, кого вы презрительно именуете "простым народом".

Я сделала паузу, наслаждаясь его растерянностью.

— Возможно, вам стоит пересмотреть свое отношение к расследованию? Или вы предпочтете, чтобы я лично отправилась в эти самые "неблагополучные районы" и оценила качество вашей работы? Поверьте, мое любопытство может оказаться весьма... настойчивым.

Стэнфорд побледнел так, что его лицо стало напоминать мел. Перспектива появления графини в трущобах с ревизией его деятельности явно приводила его в ужас.

— Разумеется, нет, Ваше Сиятельство! — поспешно заверил он. — Я... мы примем все необходимые меры для усиления патрулирования! Обязательно!

— Превосходно, — произнесла я с ледяной улыбкой. — И, пожалуйста, инспектор, не считайте окружающих идиотами. Когда люди умирают, это называется не "происшествиями", а преступлениями. И преступления требуют расследования, а не отписок.

Оставшаяся часть вечера прошла в странной атмосфере. Гости то и дело поглядывали на меня с смесью любопытства и опаски, словно я была экзотическим животным, которое может в любой момент укусить. Разговоры велись приглушенно, а моя репутация эксцентричной графини, похоже, получила новые яркие штрихи.

Следующее утро принесло зловещие подтверждения моих опасений. Мисс Пруденс вошла с утренним чаем и газетами, а на ее каменном лице читалось некоторое беспокойство.

— Ваше Сиятельство, — произнесла она своим обычным монотонным тоном, — боюсь, вчерашние новости оказались... пророческими. Сегодня утром обнаружили еще одну жертву.

Я резко села в постели, едва не расплескав чай.

— Где? Как? Что известно?

— В районе старых доков, миледи. Молодая женщина. Газеты пишут, что... это было особенно жестоко. Полиция по-прежнему утверждает, что никакой связи между случаями нет.

— Конечно, нет, — пробормотала я, просматривая заголовки. — **"ОЧЕРЕДНОЙ НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ В ПОРТОВОМ РАЙОНЕ"** — какая изысканная формулировка.

Бастион спрыгнул с подоконника и устроился рядом со мной.

— Теперь их уже пятеро, хозяйка, — его ментальный голос звучал мрачно. — И каждый раз магический след становится сильнее. Кто-то определенно экспериментирует, оттачивает технику. И, боюсь, это только начало.

Я почувствовала, как во мне пробуждается давно знакомое чувство — азарт охоты. Мой детективный инстинкт, бездействовавший в этом чужом мире, наконец получил достойную задачу.

В этот момент, разглядывая газетные сводки, я вдруг осознала нечто важное. Обрывки разговоров, которые я слышала в особняке и на приёме, складывались в тревожную картину. "Как жаль, что графиня так изменилась", "после того ужасного происшествия с графиней", "она была совсем другой до своей болезни"...

Эти фразы мелькали слишком часто, чтобы быть случайными. Сначала я думала, что речь идет о какой-то обычной болезни. Но теперь, ощущая это холодное эхо чужого страха в своем теле, видя, как множатся жертвы маньяка...

А что, если прежняя графиня Диана Уилморт не просто заболела? Что, если её "недомогание" было чем-то гораздо более зловещим? Что, если она стала жертвой того же убийцы, который сейчас терроризирует город?

Эта мысль заставила меня похолодеть. Я находилась в теле человека, который, возможно, был убит. А убийца все еще на свободе. И, судя по магическим следам, которые чувствует Бастион, этот маньяк обладает сверхъестественными способностями.

— Бастион, — обратилась я к коту, — ты ведь знаешь, что случилось с настоящей графиней, правда?

Кот долго молчал, и его молчание было красноречивее любых слов.

— Хозяйка, — наконец произнес он, — есть вещи, которые лучше узнавать постепенно. Но скажу одно: твое появление здесь — не случайность. И тебе стоит быть очень, очень осторожной.

Я поняла, что оказалась в центре гораздо более сложной и опасной истории, чем мне казалось вначале. Это была не просто детективная загадка — это была личная война. Война между мной, вооруженной лишь знаниями из прошлой жизни, и неизвестным противником, обладающим магическими способностями.

Битва за правду только начиналась.

Глава 4

После того, как инспектор Стэнфорд, этот надутый индюк в мундире, ретировался с приёма, оставив меня наедине с мрачными предчувствиями и аристократическими сплетнями, я поняла одно: ждать у моря погоды, или, что еще хуже, ждать, пока полиция Октавианбурга соизволит что-то расследовать, — это занятие для тех, у кого время — вагон, а мозги — трамвай.

У меня же, Дианы Виленовой, даже в этом чужом теле графини, нервы были натянуты, как струны скрипки Страдивариуса перед концертом. А еще эти постоянные обрывки фраз про «исчезнувшую графиню», которые я ловила в разговорах прислуги... Они сверлили мозг, как зубная боль в три часа ночи.

Весь остаток вечера я провела, расхаживая по библиотеке графини. Пыльные тома выстроились по стенам, словно молчаливые свидетели каких-то давних тайн. Большинство книг было посвящено генеалогии, истории рода Уилмортов, трактатам по этикету и цветоводству. Но на одной из полок, скрытой за тяжелой ширмой, я обнаружила нечто иное.

"Древние ритуалы кельтских племен", "Магия крови и духов", "Пособие по общению с потусторонним миром" — корешки книг были потертыми от частого использования. На полях некоторых томов я заметила пометки, сделанные знакомым почерком графини — тем же, что видела на портрете. Аккуратные, но нервные записи на латыни и каких-то непонятных символах.

— Ну что, хозяйка, — промурлыкал Бастион в моей голове, когда я уже лежала в постели, ворочаясь с боку на бок, — твой детективный инстинкт уже не дает тебе покоя? Я чувствую, как твои мысли мечутся, словно мыши в лабиринте. Это сильнее, чем твое отвращение к этим пыталым корсетам.

— Отстань, шерстяное недоразумение! — мысленно огрызнулась я. — Я не могу выбросить это из головы. Эти убийства, эти странные книги в библиотеке, эти намеки на то, что с прежней графиней что-то случилось... Все складывается в одну большую, мерзкую картину.

— О, конечно, — фыркнул кот. — А еще ты скучаешь по своему ноутбуку и думаешь, как бы сбежать из этого дурдома. Я знаю, я всё чувствую. И я, между прочим, рад, что ты так переживаешь. А то я уже думал, что ты окончательно растворилась в этом аристократическом болоте.

Его слова, как всегда, были наглыми, но точными. Я и правда чувствовала себя рыбой, выброшенной на берег. Скучала по драйву расследований, по адреналину погони за истиной, по простому удовольствию от разгаданной головоломки. И эта трагедия, разыгрываемая в бедных кварталах города, была единственной нитью, связывающей меня с моим истинным "я".

Вторую половину ночи я провела в размышлениях. К утру план созрел — рискованный, безумный, но единственно возможный.

На следующее утро я приняла решение, которое, несомненно, повергло бы в шок всех этих чопорных аристократов и заставило бы мисс Пруденс упасть в обморок от ужаса. Я, Диана Уилморт, графиня, отправлюсь на место преступления лично. К чертям приличия! К дьяволу запреты! Мой детективный инстинкт требовал действий, а ведьминское чутьё, которое, как я начинала подозревать, дремало где-то в глубинах моего сознания, просто кричало: "Иди! Иди и посмотри своими глазами!"

Конечно, осуществить этот план было не так-то просто. Когда я заявила мисс Пруденс о своих намерениях отправиться на "прогулку", бедная женщина едва не получила апоплексический удар.

— Ваше Сиятельство! — ее голос дрогнул впервые за все время нашего знакомства. — Это совершенно неприлично! Это... это просто немыслимо! Графиня не может появиться в подобных местах! Это же... — она понизила голос до ужасного шепота, — трущобы!

— Мисс Пруденс, — произнесла я, стараясь говорить максимально авторитетно, — мои подданные страдают. И мой долг, как представительницы знатного рода, проявить участие в их бедах. Или вы полагаете, что графиня должна сидеть в башне из слоновой кости, обмахиваясь веером, пока вокруг происходят убийства?

Мисс Пруденс заколебалась. Возможно, она представила себе графиню с веером, равнодушно созерцающую страдания простого народа. Эта картина, видимо, противоречила ее представлениям о благодетельстве.

— Но... но как же безопасность? И... и соответствие? Ваша одежда совершенно не подходит для таких... районов.

— Об одежде не беспокойтесь, — отмахнулась я. — Подберите что-нибудь простое. Максимально неприметное.

В итоге мне пришлось надеть самое скромное платье из гардероба графини — темно-серое, почти без украшений. Впрочем, даже оно выглядело слишком элегантно для трущоб, но это был предел возможного. Поверх я накинула темный плащ с капюшоном — он хотя бы частично скрывал мою личность.

Бастион, естественно, устроился у меня на плече под плащом.

— Хозяйка, ты уверена, что это разумная идея? — его ментальный голос звучал обеспокоенно. — От того места исходят очень дурные вибрации. Много страха, много боли. И что-то еще... что-то древнее и злобное.

— Может быть, это и не разумно, — пробормотала я, — но это необходимо. Я не могу расследовать убийство, сидя в мягком кресле и попивая чай.

Путь до места преступления лежал через весь город. Я взяла закрытую карету — не слишком роскошную, чтобы не привлекать лишнего внимания в бедных кварталах. По мере того, как мы углублялись в портовые районы, пейзаж за окном менялся. Элегантные особняки сменились скромными домиками, затем убогими лачугами, а воздух становился все более тяжелым от запахов гниющих отходов и безысходности.

Прибыв на место, я поняла, что Бастион был прав. Атмосфера здесь была такой густой и угнетающей, что ее можно было потрогать руками. Запах смерти и страха висел в воздухе, словно ядовитое облако. Место преступления было оцеплено несколькими понурыми констеблями, которые выглядели так, будто молились всем святым о скорейшем окончании смены.

Несмотря на внутреннюю дрожь, я чувствовала себя здесь более уместно, чем в бальном зале. Здесь, среди грязи и отчаяния, я была собой — Дианой Виленовой, детективом.

— Эй, вы! Отойдите от оцепления! — заорал один из констеблей, когда я попыталась приблизиться. Молодой парень с красным от мороза носом выглядел так, будто готов был бежать при первой возможности. — Здесь не место для... — он запнулся, разглядев качество моего платья.

В этот момент появился инспектор Стэнфорд собственной персоной. От его вчерашнего самодовольства не осталось и следа — лицо было бледным, а в глазах читалась плохо скрытая паника.

— Ваше Сиятельство! — он едва не подпрыгнул от неожиданности. — Что вы здесь делаете?! Это... это совершенно недопустимо! Я же обещал принять все необходимые меры!

— Инспектор, — мой голос прозвучал холодно, как зимний ветер, — пока вы принимаете ваши "меры", людей убивают с пугающей регулярностью. Я имею полное право лично убедиться в качестве полицейской работы. Или закон каким-то образом запрещает графине интересоваться благополучием подданных?

Лицо Стэнфорда приобрело нездоровый зеленоватый оттенок. Он, видимо, живо представил себе, как графиня будет ходить по трущобам с увеличительным стеклом, опрашивать свидетелей и составлять собственные отчеты, тем самым окончательно дискредитируя его работу.

— Конечно же, нет, Ваше Сиятельство, — проглотив комок в горле, пробормотал он. — Но это место... оно не для утонченных натур...

— Инспектор, — прервала я его, — за свою утонченность я отвечаю сама. А вы отвечайте за расследование.

Неохотно, но он отступил, давая мне пройти.

Картина преступления была ужасающей. Тело молодой женщины лет двадцати лежало в луже засохшей крови, словно сломанная марионетка, отброшенная жестоким кукловодом. Лицо исказила предсмертная мука, а руки были сжаты в кулаки — она боролась до последнего.

Но я заставила себя смотреть. Заставила анализировать, несмотря на подступающую тошноту. Мой мозг, натренированный годами работы с самыми мрачными сюжетами, включился на полную мощность.

Бастион, притаившийся у меня под плащом, вдруг начал принохиваться. Его курносый нос дергался, а в глазах появилось беспокойство.

— Здесь была очень сильная магия, хозяйка, — его ментальный голос звучал напряженно. — Древняя, могущественная. Но сейчас я ее почти не чувствую. Как будто кто-то специально замел следы. Это высший пилотаж сокрытия магических следов.

Я присела рядом с телом, игнорируя брезгливые взгляды полицейских. Пусть считают меня эксцентричной графиней — мне было наплевать на их мнение. Я видела то, чего не замечали они.

Мой взгляд, отточенный годами детективной работы, выхватывал детали. Необычный узел на клочке ткани, зацепившемся за камень. Отпечаток подошвы в грязи — дорогой обуви, явно не принадлежавшей ни жертве, ни полицейским. И едва уловимый аромат... духов? Нет, что-то более сложное. Смесь сандала, мирры и чего-то металлического.

И тут случилось нечто невероятное. Едва я коснулась земли рядом с телом, меня пронзило видение. Не мимолетное, как раньше, а яркое, четкое, словно я смотрела фильм.

Я увидела последние минуты жизни девушки. Темная фигура в капюшоне, склонившаяся над жертвой. Руки, совершающие странные пассы в воздухе. Символы, светящиеся на земле кроваво-красным светом. И голос — низкий, гипнотический, произносящий слова на незнакомом языке.

Жертва пыталась кричать, но не могла. Какая-то сила сковала ее, превратив в беспомощную куклу. А потом... потом я почувствовала ее боль, ее ужас, ее отчаяние так ясно, словно они были моими собственными.

— Хозяйка! — голос Бастиона прорезал видение, как нож. — Что происходит?! Твои глаза... они светятся! И от тебя исходит магическая энергия!

Я резко открыла глаза, тяжело дыша. Мир вокруг изменился. Я по-прежнему видела обычную картину — грязную улицу, тело жертвы, растерянных полицейских. Но теперь я видела и нечто большее.

Тонкие светящиеся нити тянулись от места убийства, словно невидимые тропинки. Они вели прочь от места преступления, исчезая где-то в глубине города. Магические следы. Я могла их видеть.

— Это... невероятно, — прошептала я.

— Что именно, Ваше Сиятельство? — Стэнфорд подошел ближе, с опаской поглядывая на меня. — Вы что-то нашли?

Я встала, отряхивая платье. Полицейские смотрели на меня с смесью любопытства и беспокойства. Видимо, мое поведение показалось им странным даже для эксцентричной графини.

— Инспектор, — произнесла я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, — это определенно не случайное убийство. Здесь есть система, план. И убийца обладает познаниями в... специфических областях.

— В каких областях? — нахмурился Стэнфорд.

Я не могла сказать ему правду. Что я вижу магические следы, что убийца — практикующий маг, а жертва стала частью какого-то ритуала. В этом мире подобные заявления привели бы меня прямиком в сумасшедший дом.

— В анатомии, — соврала я. — Характер ран говорит о медицинских познаниях. Убийца точно знал, что делает.

Это было лишь частично ложью. Раны действительно были нанесены с хирургической точностью.

— Кроме того, — продолжила я, указывая на едва заметные символы, процарапанные в грязи, — здесь есть знаки. Они могут иметь значение.

Стэнфорд проследил направление моего взгляда и нахмурился.

— Это просто царапины от борьбы...

— Нет, — твердо сказала я. — Это символы. Они что-то означают. И если вы действительно хотите поймать убийцу, вам стоит их изучить.

На самом деле, я видела гораздо больше символов — светящихся магической энергией. Но полицейские могли разглядеть лишь те, что были физически нацарапаны в земле.

— Хозяйка, — Бастион зашевелился у меня под плащом, — нам пора уходить. Здесь становится опасно. Кто-то наблюдает за нами.

Я огляделась. На первый взгляд, ничего подозрительного — только любопытные прохожие, собравшиеся поглазеть на место преступления. Но кот был прав. Я чувствовала чей-то пристальный взгляд, словно невидимые глаза изучали каждое мое движение.

— Инспектор, — обратилась я к Стэнфорду, — я рассчитываю, что вы серьезно относитесь к моим наблюдениям. И что расследование будет проведено должным образом. Я буду следить за развитием событий.

— Конечно, Ваше Сиятельство, — поспешно заверил он. — Мы обязательно учтем все ваши... замечания.

Возвращаясь домой в карете, я чувствовала себя странно. С одной стороны, я была потрясена открытием собственных магических способностей. С другой — воодушевлена тем, что наконец получила зацепку в деле.

— Ну что, хозяйка, — промурлыкал Бастион, устроившись у меня на коленях, — каково это — быть ведьмой?

— Страшно, — честно призналась я. — И захватывающе одновременно. Но главное — теперь у меня есть преимущество перед убийцей. Он не знает, что я могу видеть его магические следы.

— Не обольщайся, — предупредил кот. — Если он действительно такой могущественный маг, как я подозреваю, то рано или поздно почувствует твоё вмешательство. И тогда охота станет обоюдоострой.

Эти слова заставили меня вздрогнуть. Но отступать было поздно. Я, Диана Уилморт, графиня и начинающая ведьма, вступила в смертельную игру с неизвестным противником. И была полна решимости выиграть эту партию, несмотря на все риски.

Ведь я теперь была не просто детективом — я была детективом с магическими способностями. И это открывало совершенно новые возможности в борьбе со злом.

Глава 5

После феерического выхода на месте преступления, который, судя по ошарашенному лицу инспектора Стэнфорда, запомнится ему надолго (возможно, даже войдет в учебники по «Как НЕ надо разговаривать с аристократками-ведьмами»), я вернулась в свой особняк. В голове по-прежнему гудело от переизбытка впечатлений, а в носу стоял запах трупоб, смешанный с ароматом старинной пыли и нотками едва уловимой магии.

— Ну что, хозяйка, — Бастион вальяжно спрыгнул с моего плеча, едва я переступила порог, и небрежно отряхнулся, словно стряхивая невидимые крошки. — Твоя детективная натура наконец-то получила долгожданную подпитку? Или ты уже жаждешь новых приключений, как голодный волк, почуявший свежую кровь?

— Помолчи, шерстяное недоразумение, — прошипела я, начиная сражение с проклятым корсетом, который, казалось, был разработан специально для пыток. — Моя натура жаждет крепкого кофе и горячей ванны. А вот детективная часть... она уже всю работу над полученной информацией.

Мои мысли метались, как осенние листья на ветру. Те обрывки видений на месте преступления, эти светящиеся нити магии, неуловимый аромат сандала и мирры... и, конечно же, эти проклятые символы. Я видела их на земле, выжженные каким-то сверхъестественным способом. Они были словно подпись убийцы, его кровавый автограф.

И тут меня осенило. Я вспомнила, где видела нечто подобное. В записях истинной графини Уилморт — тех самых хаотичных, испуганных набросках в её дневниках. Это было как удар грома среди ясного неба. Значит, она тоже что-то знала. А возможно, знала слишком много.

— Хозяйка, — голос Бастиона, неожиданно серьезный, прозвучал в моей голове. — Твои мысли источают опасность. Я это чувствую. И от воспоминаний о тех символах... от них веет безумием и чем-то древним, что лучше не тревожить.

Безумие. Это слово заставило меня вспомнить о слухах, которые ползали по Октавиан-бургу, как тараканы в темных углах. Слухи о помешанном художнике Эдварде Блэквуде, известном своими мрачными полотнами и затворничеством. Художнике, чьи картины, по словам очевидцев, были настолько реалистичны и ужасны, что могли вызвать кошмары даже у самых стойких людей.

Интуиция (или мое новообретенное ведьминское чутьё) подсказывала, что это может быть ложный след. Но проверить определенно стоило. Ведь иногда даже в самых сумасшедших головах можно найти зерно истины.

После бессонной ночи, проведенной за изучением старинных карт Октавианбурга и дневников графини, я решила отправиться к художнику. Мисс Пруденс едва не лишилась чувств, когда узнала о моих планах.

— Ваше Сиятельство! К этому... к этому чудаку?! — её голос задрожал от ужаса. — Он же совершенно невменяем! Говорят, он рисует людей в самых... в самых неподобающих состояниях! И его мастерская... там водятся крысы!

— Мисс Пруденс, — терпеливо объяснила я, — моя любознательность не знает сословных границ. А если он действительно изображает людей в «неподобающих состояниях», возможно, он стал свидетелем чего-то важного для расследования.

Выбрав самое скромное платье в гардеробе графини (которое все равно выглядело слишком дорого для трущоб), я отправилась в путь. Бастион, естественно, устроился у меня на плече, превратившись в мой личный магический детектор.

Мастерская располагалась в заброшенном переулке, где даже солнечный свет казался тусклым и безжизненным. Запах краски, плесени и чего-то кислого ударил в нос, едва я приблизилась к полуоткрытой двери. Дом выглядел так, словно сама смерть решила открыть здесь художественную галерею.

— Здесь воняет страхом, хозяйка, — пробурчал Бастион, инстинктивно сжавшись в комок. — Много страха. И безумием. И дохлыми мышами. Определенно твое любимое место для утренней прогулки.

Войдя внутрь, я оказалась в настоящем логове безумия. Повсюду валялись кисти, тюбики с засохшей краской, грязные тряпки. А стены... о, стены были увешаны картинами, от которых волосы вставали дыбом. Изображения насилия, отчаяния, смерти — настолько натуралистичные, что хотелось бежать прочь, не оглядываясь.

Среди этих ужасающих полотен я заметила несколько, которые заставили меня замереть. На них были изображены те самые символы с места преступления. Здесь они выглядели более хаотично, словно наброски, сделанные дрожащей рукой в приступе лихорадки.

Из глубины мастерской раздался шорох, и из-за мольберта показался человек. Эдвард Блейк собственной персоной. Растрепанные седеющие волосы, глаза, полные болезненной лихорадки, руки в засохшей краске. Он выглядел скорее как перепуганное животное, чем как хладнокровный убийца.

— Вы... кто вы? Что вам здесь нужно? — прохрипел он, инстинктивно отступая к стене.

— Я графиня Диана Уилморт, — представилась я, стараясь говорить мягко, как учила меня мисс Марпл в романах Агаты Кристи. — Простите за вторжение, мистер Блейк. Я пришла полюбоваться вашими... необычными произведениями.

Я подошла к одной из картин, изображавшей особенно жуткий символ, и склонила голову набок, словно восхищенная меценатка.

— Какая интересная техника, — заметила я с невинным видом. — Эти символы... они выглядят так реалистично. Почти как будто вы видели их воочию. Не поделитесь секретом вдохновения?

Блэквуд вздрогнул, его взгляд заметался по комнате.

— Символы? Я... я просто рисую то, что приходит в голову, миледи. Это всего лишь плод воображения.

— Ах, воображение, — мягко улыбнулась я, переходя к следующей картине. — Но ведь даже самое богатое воображение нуждается в источнике, не так ли? Я заметила, что некоторые детали повторяются в ваших работах. Эти странные знаки, например. И эта специфическая манера... изображения смерти.

Художник побледнел еще больше.

— Я... я иногда вижу сны, — признался он дрожащим голосом. — Очень яркие сны. В них люди... люди делают ужасные вещи. И эти символы... они там тоже есть.

— Какие интересные сны, — заметила я, усаживаясь на единственный чистый стул в мастерской. — А не снились ли вам конкретные люди? Возможно, кто-то, кого вы видели наяву?

Блэквуд начал нервно теревать кисть в руках.

— Есть... есть один человек, — прошептал он. — Я видел его в районе доков. Несколько раз. Всегда ночью. Он... он не похож на местных. Слишком хорошо одет. И от него исходит что-то... холодное.

— Не могли бы вы описать его более подробно? — попросила я, стараясь не выказать волнения.

— Высокий, худощавый. Темные волосы, очень бледная кожа. Носит дорогой плащ. И перчатки — всегда в перчатках, даже в теплую погоду. А глаза... — художник содрогнулся. — Глаза как у мертвеца. Холодные, пустые.

— А когда вы видели его в последний раз?

— Три ночи назад. Он шел в сторону старого склада у причала номер семь. Я... я следил за ним издалека. Хотел понять, что он там делает. Но потом испугался и убежал.

Бастион в моей голове недовольно фыркнул: — Он говорит правду, хозяйка. Весь дрожит от страха, но не врет. Этот человек видел что-то важное. И от него не пахнет кровью — только краской и ужасом.

— Мистер Блейк, — продолжила я мягким тоном, — а не заметили ли вы что-нибудь еще необычное в те дни? Может быть, странные звуки, необычные запахи?

Художник задумался, нервно покусывая губу.

— Был запах, — сказал он наконец. — Очень специфический. Сандал и что-то металлическое. И еще... горящее мясо. Мне стало плохо от этого аромата.

Именно те запахи, которые я почувствовала на месте преступления! Этот человек действительно был свидетелем, а не убийцей.

— И еще, — добавил он, понизив голос до шепота, — я слышал пение. Или что-то похожее на пение. На незнакомом языке. Очень жуткое. От него мурашки бегали по коже.

— Вы очень наблюдательны, мистер Блейк, — похвалила я. — А скажите, вы рассказывали об этом полиции?

Он горько рассмеялся.

— Кто поверит сумасшедшему художнику? Они сразу решат, что я все выдумал. Или что это галлюцинации от красок.

— Но вы ведь не выдумали, правда?

— Нет, — тихо ответил он. — Я бы хотел, чтобы это был сон. Но я знаю разницу между сном и реальностью. К сожалению.

Я поднялась со стула, обдумывая услышанное.

— Мистер Блейк, у меня к вам просьба. Если вы снова увидите этого человека, не следите за ним. Он может быть крайне опасен. Лучше сразу сообщите полиции или... мне лично.

— Вам? — удивился художник. — Но зачем графине...

— Скажем, у меня есть личный интерес к этому делу, — уклончиво ответила я. — И я гарантирую, что к вашим словам отнесутся серьезно.

Покидая мастерскую, я чувствовала удовлетворение от проведенного допроса. Блейк был не убийцей, а ценным свидетелем. Но я понимала, что инспектор Стэнфорд вряд ли разберется в тонкостях и может арестовать художника как наиболее очевидного подозреваемого.

Разговор с соседями подтвердил мои выводы. Все описывали Блейка как безобидного чудака, который никому не причинял вреда. Странного, пугающего, но не агрессивного.

— Он как ребенок, — сказала одна пожилая женщина. — Боится собственной тени. Единственное, что он может убить — это таракана, и то случайно.

Вернувшись в особняк, я не удивилась, когда через час раздался звонок от Стэнфорда.

— Ваше Сиятельство, у нас прорыв! — его голос дрожал от возбуждения. — Мы арестовали художника! Он признался, что рисовал эти символы! И у него дома полно картин с изображениями убийств!

— Инспектор, — мой голос приобрел стальные нотки, — вы арестовали невинного человека. Блэквуд не убийца — он свидетель. Его картины — отражение увиденного, а не содеянного.

— Но, Ваше Сиятельство...

— Никаких "но", — прервала я его. — Пока вы тратите время на ложные обвинения, настоящий убийца остается на свободе. И, поверьте мне, он гораздо умнее и опаснее безумного художника.

Я положила трубку, чувствуя раздражение. Типичная работа некомпетентной полиции — хватать первого попавшегося подозреваемого вместо того, чтобы проводить настоящее расследование.

— Ну что, Бастион, — обратилась я к коту, который блаженно развалился на подушке у камина, — теперь у нас есть описание настоящего убийцы. Высокий, худой, бледный, всегда в перчатках. И он орудует у причала номер семь.

— Звучит как начало неплохого плана, хозяйка, — промурлыкал кот. — Только не говори мне, что ты собираешься туда отправиться одна.

— Разумеется, не одна, — улыбнулась я. — У меня есть личный магический консультант с очень острыми когтями.

Бастион недовольно дернул хвостом.

— Мои когти предназначены для царапания мебели, а не для борьбы с темными магами. Но раз уж ты настаиваешь на этом безумии, придется составить тебе компанию.

Я почувствовала, как во мне пробуждается знакомый азарт охоты. Настоящий убийца наконец начал обретать конкретные черты. И скоро, очень скоро, мы встретимся лицом к лицу.

— Наша игра выходит на новый уровень, — прошептала я, глядя в огонь камина. — И на этот раз я не позволю ему ускользнуть.

Где-то в глубине души я чувствовала, что эта встреча изменит все. И не только в расследовании — в моей новой жизни ведьмы и детектива в одном лице. Битва между светом и тьмой была неизбежна. И я была готова принять в ней участие.

Глава 6

Если бы мне сказали, что следующий светский прием станет полем битвы для интеллектуальной дуэли, достойной Оскара Уайльда, скрещенного с Сократом, я бы рассмеялась до колик в животе. Ну право же, после всех этих балов манекенов, где самой острой мыслью была дискуссия о том, стоит ли носить перья павлина или страуса, я ожидала от очередной тусовки аристократов примерно такого же интеллектуального фейерверка, как от стада коров, решающих задачи по высшей математике.

Но судьба, эта старая интриганка в потрепанном платье, решила подбросить мне противника, достойного моих когтей и клюва.

— Ну что, хозяйка, — промурлыкал Бастион, устроившись у меня на коленях в карете, — готова к очередному параду человеческого тщеславия? Или сегодня планируешь кого-нибудь интеллектуально растерзать еще до подачи шампанского?

— Заткнись, шерстяной философ, — прошипела я, поправляя корсет, который явно был изобретен каким-то садистом с университетским образованием. — Может, хоть сегодня встречу кого-то с мозгами объемом больше чайной ложки.

Особняк графа Пемброка сиял, как новогодняя елка в борделе — роскошно, вызывающе и слегка безвкусно. Гости прибывали один пышнее другого, создавая впечатление, что кто-то решил устроить конкурс на самое нелепое сочетание денег и отсутствия вкуса.

Войдя в бальный зал, я тут же ощутила на себе десятки взглядов, полных того особого интереса, который испытывают люди к диким животным в зоопарке — любопытство, смешанное со здоровым инстинктом самосохранения.

— О, смотрите-ка, — протянула леди Честерфилд, подплывая ко мне в платье цвета больной канарейки, — наша знаменитая графиня Уилморт! Та самая, что предпочитает общество трупов живым людям!

— Что поделать, леди Честерфилд, — улыбнулась я с энтузиазмом хирурга, приступающего к особо интересной операции, — мертвые гораздо приятнее в общении. Они не говорят глупостей о погоде.

В наступившей тишине я услышала медленные аплодисменты. Обернувшись на звук, я увидела ЕГО.

Господи правый. Если бы дьявол решил получить университетское образование, добавить к нему аристократические манеры и щепотку той особой наглости, которая граничит с гениальностью, результат выглядел бы именно так. Высокий, элегантный, с тем видом интеллектуального превосходства, который мог бы свести с ума любого, кто считает себя умным.

И повязка на левом глазу, которая не портила его внешность, а делала его похожим на философа-пирата, способного процитировать Канта, прежде чем пустить противника на дно.

— Bravo, — произнес он, приближаясь с ленивой грацией хищника, который точно знает, что охота будет интересной. — Наконец-то кто-то признал очевидное преимущество покойников перед здравствующими членами общества.

— А вы кто такой, — поинтересовалась я, изучая его единственный глаз, который сверкал той особой искрой, которая бывает у людей, получающих удовольствие от интеллектуальных игр, — местный критик светских развлечений?

— Лорд Джонатан Грант, — представился он с элегантным поклоном. — Дилетант, циник и большой поклонник острого ума в любой упаковке. Даже в корсете.

— Как мило, — протянула я. — Значит, вы из тех мужчин, которые считают, что женский ум — это что-то вроде цирковой диковинки. "Смотрите, господа, она умеет думать!"

— Напротив, — усмехнулся он, — я из тех, кто считает, что большинство людей независимо от пола демонстрируют примерно такие же интеллектуальные способности, как декоративная капуста. Но иногда встречаются приятные исключения.

— И я, полагаю, должна польщена тем, что меня исключили из разряда овощей?

— Пока рано говорить, — его глаз сверкнул озорством. — Для окончательного вердикта мне нужно больше данных. Например, ваше мнение о том, стоит ли применять дедуктивный метод Холмса к расследованию убийств, или лучше довериться божественному озарению местной полиции.

Бастион у меня на руках издал звук, подозрительно похожий на хохот.

— Этот мне нравится, хозяйка, — сообщил он мне в голову. — Он почти так же нагл, как ты. И от него пахнет опасным умом и хорошей библиотекой.

— Холмс, — задумчиво произнесла я, — был бы очарован нашими местными методами расследования. Особенно тем, как они умудряются не видеть улики, даже когда те танцуют перед ними канкан в ярко-красных юбках.

— Ах, значит, вы действительно интересуетесь детективной работой? — в его голосе послышались нотки искреннего любопытства. — И как вам наши доблестные защитники закона?

— Они напоминают мне слепых котят, пытающихся поймать мышь в темной комнате, — ответила я с невинным видом. — Много шума, суеты, но мышь тем временем спокойно грызет сыр.

— Жестоко, но справедливо, — кивнул он. — А что бы вы сделали на их месте?

— Для начала научилась бы видеть разницу между уликой и собственной тенью, — съязвила я. — Это значительно облегчило бы процесс.

— Любопытно, — протянул он, явно наслаждаясь нашей перепалкой. — А вы когда-нибудь сами пытались применить свои теории на практике?

— Возможно, — уклончиво ответила я. — А вы?

— Я предпочитаю изучать человеческую глупость с безопасного расстояния, — философски заметил он. — Это как наблюдать за извержением вулкана — зрелище захватывающее, но стоять слишком близко опасно для здоровья.

— Какая житейская мудрость, — сладко улыбнулась я. — Значит, вы из тех, кто предпочитает критиковать, не пачкая рук?

— А вы из тех, кто бросается в бой, не подумав о последствиях? — парировал он.

— Думать о последствиях — это для людей, которые боятся жить, — отрезала я.

— А не думать о них — для тех, кто не планирует жить долго, — невозмутимо ответил он.

Между нами повисла тишина, заряженная электричеством взаимного вызова. Я чувствовала, как мы кружим друг вокруг друга, словно два фехтовальщика, изучающие стиль противника перед решающим ударом.

— Знаете, — сказал он наконец, — большинство людей считает философию скучным занятием для пыльных профессоров. А я считаю ее искусством интеллектуального садизма.

— Садизма? — заинтересовалась я.

— Ну конечно. Что может быть приятнее, чем довести собеседника до понимания собственной глупости методом сократовских вопросов? — его улыбка стала откровенно хищной. — Это как медленная пытка, но для ума.

— Звучит как хобби для людей, которым нечем больше заняться, — заметила я.

— Или для тех, кто получает эстетическое удовольствие от наблюдения за тем, как рушатся чужие иллюзии, — возразил он. — Есть что-то прекрасное в моменте, когда человек вдруг осознает, что всю жизнь принимал свои предрассудки за истину.

— Лорд Грант, а не садист ли вы случайно? — прямо спросила я.

— Интеллектуальный садист, — поправил он. — Это гораздо тоньше и гораздо приятнее. Физическая боль примитивна, а вот заставить кого-то усомниться в основах собственного мировоззрения — это искусство.

— И много ли жертв у вашего искусства?

— Достаточно, чтобы не скучать, — он окинул взглядом зал, полный аристократов. — Видите леди Пемброк? На прошлой неделе я убедил ее, что ее знаменитая коллекция "античных" ваз — это подделки девятнадцатого века. Она до сих пор не может решить, расстрелять меня или поблагодарить за открытие глаз.

— Жестоко, — оценила я.

— Но честно, — пожал он плечами. — Разве ложь во спасение лучше болезненной правды?

— Зависит от того, кого спасаем и от чего, — философски заметила я.

— Ах, значит, вы тоже относитесь к вопросам морали с практической точки зрения? — в его глазу загорелся интерес. — Большинство дам предпочитает абстрактные рассуждения о добре и зле.

— Большинство дам никогда не сталкивалось с по-настоящему злыми людьми, — ответила я. — Трудно философствовать о морали, когда видишь результаты ее отсутствия в виде изуродованных тел.

— О, — протянул он, — значит, вы действительно видели такое? Или это просто яркая метафора?

— А как думаете? — улыбнулась я загадочно.

— Думаю, что вы гораздо интереснее, чем казались на первый взгляд, — сказал он медленно. — И гораздо опаснее.

— Опаснее? — переспросила я.

— Умные женщины всегда опасны, — философски заметил он. — Они разрушают привычный порядок вещей одним своим существованием. А умные женщины, которые еще и красивы, представляют угрозу для всей системы мироздания.

— Лорд Грант, вы флиртуете или философствуете?

— А есть разница? — усмехнулся он. — Хороший флирт — это всегда философия в действии. Соблазнение ума гораздо тоньше соблазнения тела.

— И вы специалист по соблазнению умов?

— Скорее по их разрушению, — честно признался он. — Я как интеллектуальный вандал — люблю ломать красивые, но ложные теории.

В этот момент к нам подплыла герцогиня Мальборо со своей обычной свитой сплетниц.

— Лорд Грант! — воскликнула она. — Надеюсь, вы не морочите голову нашей дорогой графине своими еретическими теориями?

— Напротив, Ваша Светлость, — ответил он с невинным видом, — я пытаюсь выяснить, насколько еретическими могут быть ее собственные взгляды.

— Мои взгляды? — невинно переспросила я. — О, они совершенно безобидны. Я всего лишь считаю, что большинство людей живет в состоянии добровольного умственного паралича.

Герцогиня поперхнулась шампанским.

— Графиня! — воскликнула она. — Это же... это же...

— Правда? — подсказал Джонатан с видом ученого, помогающего школьнику с трудной задачей. — Да, с правдой иногда трудно примириться.

— Это оскорбительно! — возмутилась одна из спутниц герцогини.

— Только для тех, кто узнал себя в описании, — невозмутимо заметила я.

— Графиня Уилморт, — Джонатан повернулся ко мне с театральной серьезностью, — боюсь, вы проявляете опасную склонность к честности. Это может серьезно навредить вашей репутации в обществе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.